

Как хорошо быть одному. Но как хорошо, когда есть кто-то,

100000 лет

жизни!

кому можно рассказать, как хорошо быть одному (Эрнест Хемингуэй)

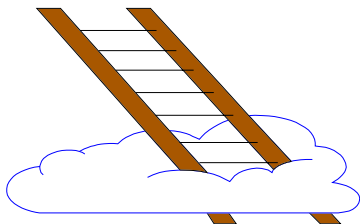
№9

*Бауайте с нами!
Бауайте как мы!
Бауайте лучше нас!
Не хотите -
не бауайте!*

Лето 1997

Ах, жизнь моя брeнная, грехи мои тяжкие! Попался я таки. Теперь не выберусь. В ад попал, в ад. А разве ж много грешил-то? Вовсе и не много. Ну, подумаешь, обжулил кое-кого, ну, украл пару раз, ну, для шутки же это, не со зла ведь. А другие вот хоть и больше воруют, дали взятку Михаилу — мол Всевышний мой лучший знакомый — и сидят себе преспокойненько в раю, радуются. А тут ещё целую очередь выстоишь, замучишься, пока ещё к главному чёрту попадешь, да пока ещё тот посмотрит на тебя, оценит, пока решит, как тебя потом в пекле мучить! Эх, отмучился я на земле, теперь ещё и здесь мучат (это я так стою в очереди к чёрту и думаю). Вот ведь штука, будь я сейчас на земле... Эх, да и что теперь говорить! А что? Чем хуже? Стал я вперёд толкаться - мол самый грешный, так ведь не пускают же, говорят — умер тогда-то — вот и держись своей очереди, “не лизь поперед батька у пекло”. Ну, что на это ответишь? Вернулся, встал, стою. А очередь, как назло, не движется, похуже всякого пекла. А что, думаю, здесь ведь тоже люди, и ничем не хуже тех, что на земле остались. Не откажут! Стал я предлагать им разное, собрались мы, тут же из адских камней шашки, домино, даже карты понаделали и, что вы думаете, — дело пошло — все сидят, играют, никто на главного чёрта внимания не обращает. Рассердился тут чёрт, набросился на меня: “Ад это, а не место для развлечений. Здесь мучаться положено. Убирайся, — говорит — от чертей подальше, прочь из ада в рай!

Не порть мне клиентов.” Что ж, против начальства не попрёшь, поплёлся я в рай. А там перед

вратами рая снова очередь. Ну, тут уже я не выдержал. Сколько ж можно? Вот, думаю, какие всё-таки эти небесные несовершенные, а ещё на нас грешных жалуются. Понаделали даже в ТАКИХ местах очередей, а здесь очередь в три раза больше чертовой - правильно -всякие-такие разные лезут без очереди, подкупом или по знакомству, то всякий порядочный человек так никогда кроме загородки ничего и не увидит, так и помрёт грешный. Оно то, конечно не помрёт (помер ведь уже) но и жить, а стало быть и быть не сможет. Ну, уж нет, здесь я стоять не буду. Дай, думаю, и здесь попробую, точно такие же стоят, ну ничем не лучше — тоже грешные. Опять соорудили мы картишки, домино, рулетки понаделали, смешно сказать, целое казино получилось. Ну, кому, скажите мне, после всего этого ещё в рай захочется? Понятное дело — никому. Сидят все, играют, даже из рая некоторые повыбежали. Тут даже Михаил с Гавриилом не выдержали — сердца и души у них тоже человеческие — прибежали и тоже за карты. Как увидел Бог все эти безобразия, как накинулся на меня: “Что, — говорит, — ты ирод окаянный мне людей совращаешь, с пути истинного сводишь. Пришёл в рай — вот и радуйся — развёл бардель. Иди, — говорит, — откуда пришёл!”. “ Не могу, — говорю я, не могу уйти туда откуда пришёл, из ада меня уже выгнали, а на землю идти не велено — мёртвый я, мёртвый!”. Посерчал ещё Бог малость, а потом видит: делать нечего — и отпустил меня снова на землю. Иду я по земле родной и поверить не могу, что я снова здесь. Как всё хорошо получилось — вот и снова живой. Вдруг слышу голос, знакомый-знакомый, кричит мне в самое ухо: “Ах, ты лодырь, ах, ты ирод окаянный, опять напился до иступления, прошатался по подворотням, проспал всю ночь неведомо где. А ну марш домой!”. Смотрю — жена моя кирчит, кричит-надрывается. Дура она баба, она ведь даже не знает где я был всю эту ночь.

Ослабшее чувство стоит в стороне.
 Ты услышишь дыханье уставшей груди,
 Ты коснешься рукой пустоты впереди
 Ты увидишь картину зимой на окне.
 Ослабшее чувство пытается жить.
 Ты от жажды глотаешь простую слюну,
 Ты играешь и рвешь за струною струну,
 Ты живешь, но не в силах

судьбу победить.

Ослабшее чувство горит как огонь.
 Ты откроешь глаза и увидишь свой мир,
 Твои слезы стекутся в прозрачный сапфир,
 Ты уйдешь от упавшей звезды на ладонь.
 Ослабшее чувство услышит прибой.
 Ты сольешься с ветрами ушедшего дня,
 Ты увидишь себя, день забудет тебя,
 Ты укроешься мягкой и теплой землей.
 Но уставшее чувство останется жить —
 Солнце за руку тянет его за собой.
 Ты потянешь кого-то, он будет с тобой.
 Победить.

Ты поймешь, что ты смог победить.

Мир звезд. Иллюзия мечты.
 Гипноз смущенной красоты.
 Аккорд того, что не сбылось.
 Азарт того, что не сошлось.
 И дикий плач и вой собак
 Для тех, кому вся жизнь не так.
 Безумный взгляд, полет в окно
 Для тех, кому вся жизнь — дерьмо.

И слабый стон, пусты слова
 Для тех, кому дерьмо — лафа.
 Ты дотянись до мира звезд,
 Коснись рукой без слов и слез,
 Лети к несбыточной мечте,
 Виси распятой на кресте.
 Молчи, страдай, тянись рука—
 К кресту дорога нелегка.

Мир звезд, неданных для людей,—
 Дорога в ад, приют смертей.
 Где полнолуние, там и жизнь,
 Умри за свет или смиришься.

Ковыряясь пальцем в сердце,
 Ощущая кровью боль,
 Недоверчиво доверься,
 Неспokoйно успокой.
 Взгляд звезды с экрана неба,
 Плеск воды в ракушке дня.
 Ночь ведет туда, где не был,
 Ночь преследует меня.

Запах слез в сухие ноздри.
 Жжет, стекает по щекам.
 Млечный путь играет козни,
 Слышишь? Ветер уже там.
 Дерзкий всход сухих растений,
 Кровь живая на песке —
 Сушат тени в час забывений,
 В час рисунков на воде.

Нету льда и нет течений.
 Сходит талая вода.
 Нет дождя, нет вдохновений,
 Только время есть всегда.
 Кульминации виденье
 Может есть, а может нет
 И кошмары - сновиденья
 И некупленный билет.
 Раздирая грудь ногтями,
 Разрывая на куски,
 Чувствуй кровь — она живая,
 Чувствуй время и спеши.

Моя свеча отбрасывает тень,
 В моем пятне блуждает чей-то день,
 В моих висках часы стучат отбой,
 Моим ногам дают команду “стой”.
 Ну а груди так хочется дышать,
 А впереди — сто дней еще бежать.
 Я задыхаюсь, не хочу назад
 Я разбираюсь в том, кто виноват.
 В моем костре ни щепки, ни угля,
 В моей избе ни ночи, ни огня,
 В моем глазу вмещается бревно,
 В моем лице гуляет все равно.

Ну а в руках все линии судьбы,
 А в кулаках зажат цветок весны,
 А сердце поросло сухой травой
 Кто по дороге, тот и не со мной.
 Кто по следам, — заблудится в слезах,
 Кто по пятам,— закроется в глазах,
 Кто по вине,— умрет с виной в раю,
 Кто обо мне, — споткнется на краю.
 Ну а внутри живет болезнь-чума,
 Сойти с ума мечтает голова.
 Ну а груди так хочется дышать.
 А впереди?..

Shadow.

ОНА

Наступила пора лета. На улице, весело играясь лучами с детворой, светило солнце. Проходя мимо радостно кричащей детворы, он отогнал мысль о том, что у него никогда может быть не будет своих детей. И он никогда не сможет вот так вот, радуясь солнцу, играть с маленьким забавным существом, которое любило бы его...

Любовь! Это слово... Оно потеряло свой смысл для него еще тогда когда она... Нет! Он считал, что оно не потеряно, что оно не ушло вместе с ней, оно есть у него... мертвое. Мертвое, потому что он убил его когда оно не давало спокойно спать, спокойно есть, спокойно жить... Жить? Это нельзя назвать жизнью, это всего лишь жалкое существование. И все что можно спокойно сделать, так это умереть... Но умирать он не хотел - надежда еще жила...

Он шел не спеша под тяжестью печальных мыслей по аллее, и даже солнце яркими лучами не могло разогнать "тучи", которые сгустились над ним. Как и всегда, он шел по привычке на свое люби... нет... обычное место. Он не любил его, потому что невесть откуда бравшийся знакомый, всегда спрашивал почему он один... Он не винил знакомого за вопрос, который когда-то был для него как соль на рану. Ему уже было все равно, как наверно бывает все равно отбивной за то что с ней сделали...

Он шел не обращая внимания на прохожих. Иногда его внимание все-таки привлекали девушки. Но он еще раз, и еще раз убеждался в правоте своих мыслей: "Пункт 1. На свете нет симпатичных девушек... Пункт 2. (поправка к пункту 1) ...которые одни"

Убедившись в 32654 раз, он почему-то свернул со своего обычного пути и пошел на этот раз другой дорогой...

Но никто из похожих этого не видел, потому что он исчез из

этого мира именно в тот момент, когда ему показалось, что он свернул с дороги...

Он продолжал идти, не обращая внимания на то, что вокруг что-то поменялось. Краем глаза он заметил что дома, деревья, тротуар окрасились багровым цветом: "Наверно сегодня будет красивый закат" — мелькнуло у него в голове. Это был обогревающий, ласкающий свет, который бывает теплым летним вечером, когда солнце уходя за горизонт отдает последние, самые восхитительные, лучи. Но что-то не давало покоя, что-то мешало насладится уютом, созданным природой. Он пришел к той скамейке, на которой обычно убивал остаток дня. Сел и посмотрел на часы... Этого не могло быть — часы показывали без четверти три, а приятный багровый оттенок вокруг указывал на закат... Он взглянул на небо — солнце было еще высоко, и по-прежнему светило ослепительно ярко. "Но откуда тогда этот свет?" Ему не пришлось искать ответ в своей голове, потому что ответ в этот момент появился в поле его зрения...

Она была одета в блестящее длинное платье цвета вечернего заката с длинным разрезом... Он всегда сходил с ума от таких длинных разрезов... Ветер колыхал ее волосы в такт ее шагам, из-за чего ее походка казалась еще грациознее. Она шла... Нет. Она плыла по направлению к нему. Солнечные лучи отражаясь от ее платья окрашивали все вокруг приятным цветом. Но ему казалось, что ее глаза, похожие на море, ее очаровательная улыбка — именно они излучали то тепло, от которого становилось так приятно и светло на душе...

Она подошла к нему, и он, еле дыша от волнения, тихим голосом, какбудто боясь вспугнуть ее, спросил:

— Кто ты?

— Я любовь твоя.

— Я понимаю что ... — заговорил он

заигрывающим тоном, но она его перебила.

— Нет! — Она слегка рассердилась, и когда она топнула, ее загоревшая нога появилась из-под разреза, как появляется берег из-под накатившей волны и тут же исчезает под накатом следующей волны.

— Ты не понимаешь, — теперь ее тон стал более спокойным, — Я именно та, которую ты... Ты думал что убил меня? — на ее лице появилась усмешка.

— Нет, я жила здесь...

Его внимание привлекли ее волосы, они развевались на ветру, но он не ощущал этого ветра.

— Ты хотел сказать, что я настолько прекрасна, что не могу кому-то не понравиться? Посмотри вокруг...

Он оторвал взгляд от ее волос, с которыми игрался ветер. Посмотрев по сторонам он удивился еще больше... Теперь он понял, что ему не давало покоя — вокруг не было ни одной души... Здесь не лаяли собаки, не ездили машины, здесь не было слышно ни одного звука...

— Где я? — спросил он упавшим голосом.

— Ты в своем мире, — уверенно ответила Она, как будто именно этого вопроса и ждала так долго, — теперь ты понимаешь, что здесь я не могу кому-то нравиться. Ты оставил меня здесь одну... Но я не страдала, я любила... Я люблю тебя...

От этих слов ему стало стыдно. Стыдно за то что он так несправедливо заточил это прекраснейшее существо, которое он когда-либо мог себе представить, не говоря о том что увидеть, и которое любило его, в тюрьму одиночества...

— Ты не меня заточил в тюрьму одиночества, — как-будто прочитав его мысли сказала Она, — ты не слушал моего голоса, и теперь ты тоже тут... один...

— А ты? — спросил он с надеждой в голосе.

— Я?... А хочешь ли ты чтоб я здесь была? Он не мог ответить “нет”, потому

что очень хотел чтоб она осталась, но и ответить “да” не мог, потому что боялся, что после стольких лет, проведенных в этом мире, она обидится посчитая его слова ложью...

— Да, — выдавил он из себя.

— А что ты сделал для этого? — спросила Она сухо, и ему показалось что это были не ее слова, а какого-то судьи, который пытается любыми вопросами загнать обвиняемого в угол...

Он почувствовал, что начинает стогать от стыда, потому что он не мог сказать ничего ни за ни против. Его бросило в жар, свет вокруг становился все ярче и ярче. Он зажмурился...

— Не забывай меня, — услышал он удаляющийся ее голос, но открыть глаза побоялся.

Он не понимал что происходит... Свет стал таким ярким что пришлось прикрыть глаза ладонью. Он не чувствовал ни пространства, ни времени...

Вдруг все кончилось. Он почувствовал, что лежит на траве, а чья-то ладонка бьет его по щеке. Он открыл глаза и увидел, что кто-то склонился над ним, но не смог разглядеть лица, потому как солнце прорасичающееся сквозь длинные волосы слепило глаза.

— ...вставай. — она подула на него, и он подумал что это самый приятный ветерок в его жизни.

Он почувствовал легкий запах ее духов.

— С виду вроде не дурак, а что такое солнечный удар не знает... Она привстала и подала ему руку, другой закидывая спадающие волосы назад.

— Кто ты? — наконец-то произнес он.

— Любовь твоя, — иронично пошутила она, — вставай и пошли, — она взяла его за руку и повела. Спрашивать куда она вела его, после всего пережитого он не хотел...

— Я забинтую тебе руку, а то вон как разбил локоть...

ДОМАШНЯЯ РАБОТА.

Сочинение.

Мое видение любви и ее последствий по сказках зарубежных французских писателей.

План.

- 1) Любовь
- 2) Последствия
- 3) Как я имел в виду сказки зарубежных французских писателей.

Эпиграф.

Любовь – это не шутка.
Ты знаешь – я не шучу.
В.Цой

Все это фуфло. Но коли надо, то я могу. Ты ж знаешь. Короче так. Жила в одном селе навороченая тёлка. В смысле девочка. Был у её кореш Серега. В натуре короче без проблем. И тут с чего-то мамка ейная послала её к бабке ейной. Типа там у бабки може какие проблемы, може там чё бабка хочет, а може уже здохла. Короче сказала тёлка мамке своей ОК, и короче помелась. И решила она в натуре заодно видно сходить налево, потому-то и пошла через темный лес, а не по дороге. Прётся она лесом, значит, може, думает, кого встречу и може чего со мной будет. Конкретно. А тут по лесу ейный кореш ходил чего-то. Наверно шишки собирал на урок по биологии, в натуре. Глядит – егойная прет как паровоз. Ну, Серега до неё подваливает и думает: “Чего-то я хочу тебя съесть”. Круто, да? Не, это он прикалывался, типа съесть, а ваще-то да ты и так знаешь, Марья Ивановна, шо я тебе тут, СПИД-ИНФО что-ли, или мне за это шото будет? Так вот. Короче. Ну они короче там туда-сюда, не знаю там чего у них было, ну ты ж знаешь, про это в сказках не пишут, а то малолетки начинают, потом из них одни проблемы выйдут. Короче Серега ее честно спрашивает “Ты куда?”. Тут у них короче конкретный базар пошел. Видать Серега чего-то подумал. Только чего тут думать, коли и так ясно, шо тут дело тёмное. А тут какая-то братва левая по лесу шаталась, глядит – Серега с телкой шуры-муры крутит конкретно. Братва видно обнаружила, шо им ни фига не светит, давай топорами в лесу стучать. Ну, шоб Серегу обломать. Козлы, блин. Ну тогда Серега говорит тёлке: “Ты короче иди тудой, а я пойду сюдой, шоб если шо. Короче конкретно.” Сам значит бегом до бабки. Типа шоб там побазарить. Прибежал, значит до бабки, запыхался, ну, ясное дело, не май месяц. Стукает значит до бабки. А бабка ему говорит, шо ключ под ковриком. Он значит вламывается, смотрит шо бабка и так уже в постели доходит, и шо ей ни фига не светит, да и съел бабку. А потом конкретно пришла тёлка, и шото ей не в кайф видно было, давай она Серегу обламывать: “Шо ты такой лопухий, шо ты такой лупоглазый, шо ты такой кривозубый”. Ну кому класно, когда тебя тёлка так обламывает, ну ты ж знаешь. И тут крепко поразила Серегу любовь, взял он да и съел свою тёлку. Ну, короче от облома. Конкретно. Да тут вломилась братва, их, короче жаба давила, шо они такие не крутые. Стали они разборки всякие производить, в результате чего замочили они Серегу конкретно, распорили ему брюхо, вынули оттуда и бабку и эту падлу. Короче, как говорит мой кореш Вася, чем больше любишь, тем труднее живешь. Шо лично меня, то я думаю, шо моё мнение, и мнение зарубежных французских писателей с мнением моего кореша Васи полностью совпадают.

Le Vent.

ПРОХЛАДНЫЙ ветер тихо играл прибрежными травами и заставлял реку покрываться мелкими, быстрыми волнами. Облака, словно серое безразмерное покрывало, закрыли все небо, не желая выпускать из своих объятий не один солнечный луч на соскучившуюся по теплу землю. Зеленые деревья вели свой непонятный бесперывный разговор о только им известных вещах. А на берегу реки сидел парнишка, присматривая за подпрыгивающим на волнах поплавком. Вдали слышались неспешные шаги. Иногда шаги прерывались шарканьем (знаете, когда нет важной цели и спешить некуда, то так, для получения хоть каких-то впечатлений...). Парнишка оглянулся на звук. По усеянному мелкими камушками и песком берегу шел бродяга. Не то чтобы у него был вид бродяги. Одет он был не шикарно (ну и не ресторан ведь здесь), но просто и гармонично. Выглядел он естественно и просто. И в нем чувствовался Бродяга. Это слово почему-то сразу же стало для парнишки именем приближающегося человека.

— Как клев? — подойдя к парнишке поинтересовался незнакомец. Парнишка на секунду встретился взглядом с ним. Эти глаза оставляли неизгладимое впечатление: боль, страх, надежда, радость, вера, все вместе и еще огромное количество необъяснимого, сплетенное в единый клубок и помещенное в бездонную пропасть неизведанного. Парнишка еще несколько секунд не мог оторваться от этих глаз, ошарашенный увиденным.

— Прости, — сказал незнакомец отводя взгляд, таким голосом, словно он был виноват перед всем миром, — я всегда забываю про глаза, когда долго не вижу людей.

— Да никак. Видишь какая погода.

Парнишка смотрел на поплавок, хотя ему было уже все-равно, и даже если бы вдруг вся рыба решила повеситься на его крючок, он не обратил бы на это никакого внимания.

— Да, для рыбалки не очень. А вообще это моя любимая погода.

— Почему? Что в ней хорошего?

— Хорошего?

Незнакомец призадумался, смотря перед собой, словно пытается разглядеть что-то очень далекое.

— Спокойствие и ожидание. Особенно осенью. Ожидание чего-то, что может произойти. В такую погоду я готов к этому. Можно ни о чем не думать и полностью отдаться этому чувству.

Парнишка удивился, насколько точно слова

совпадали с его впечатлением от незнакомца. Казалось, будто он раскрыт как летний цветок, и впитывает все вокруг себя, словно губка.

— Почему ты один? — неожиданно для себя спросил парнишка.

— Так было всегда. Наверное так будет лучше, со странной уверенностью, не совпадающей с его словами, сказал незнакомец, — я воюю с собой, разговариваю с собой, боюсь за себя и пытаюсь понять себя. И при этом никто к этому не причастен. Если виноват — то я, если молодец — то тоже я.

— И что, так всегда - всегда??!

— Да. Почти. Только иногда, такие как я собираются вместе и живут некоторое время в городе.

— Зачем?

— Чтобы не отвыкать от людей. Чтобы не забывать, почему мы так живем. Чтобы увидеть последствия существования. А тебе нравится ловить рыбу — неожиданно, с огоньком вдруг появившимся в глазах, спросил незнакомец.

— А как же! — не раздумывая ответил парнишка и призадумался. Он поднял с земли округлый камешек, и начал старательно вытирать его рукой. Создавалось впечатление, что он хотел что-то стереть с него. Через минуту он с силой бросил этот камень в воду.

— Я ненавижу рыбалку. Мне очень многое не нравится вокруг. Я многого не могу понять, — тихо но злобно сказал он. Незнакомец встал с песка, и, отряхнувшись, побрел берегом.

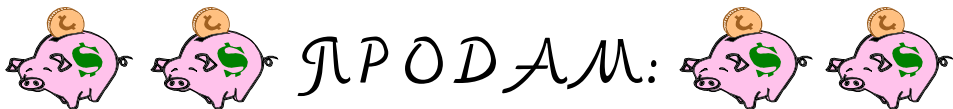
— Как тебя зовут? — вдогонку крикнул парнишка. Незнакомец остановился и повернулся к нему.

— Что тебе первое пришло на ум когда ты увидел меня? — будто заранее зная ответ, спросил незнакомец.

— Бродяга, — с непонятным для него спокойствием, полным важного, но еще не осознанного смысла, ответил парнишка.

— Это и есть мое имя, — подтвердил Бродяга, посмотрел прямо в глаза парнишке, и после паузы добавил, — И твое. Уже...

Парнишка смотрел вдаль, на еле заметную фигуру, исчезающую в серой мгле и в первый раз ждал что-то, чего не знал, и слушал голос Тишины, который ему еще предстояло понять...

ПРОДАМ:

- кондиционеры “ Последний вздох”, обеспечивающие вакуум в помещенни за 8 секунд
- газовую камеру, переоборудованную для приготовления пирожков с мясом
- чайный сервиз “Чефир”, кофейный сервиз “Кефир”, суповый сервиз “Взахлеб”, шашлычницу “Пекло”, утятницу “Рожки да ножки”
- двухтомник “Жемчужины народной глупости”
- велосипеды “Зайчик”, “Школьник”, “Студент”, “Аспирант”, “Декан”
- вьетнамки (Вьетнам), чешки (Чехия), бурки фасонные (Буркина-Фасо) и валенки (Валька на комиссию принесла)
- деньгосос “Рекет”
- мусульманскую обрезную доску
- камуфлированный ватник на подклад ке из рубероида
- деревянный галстук с булавкой-шишечкой и застежкой-белочкой
- черно-белый телевизор “Радуга”
- радиотелефон для глухих
- холодильник “Африка-8”
- сапоги растворимые
- тумбочку под пианино
- трубопровод Уренгой-Помары-Ужгород, самовыкоп
- кресло-качалку, диван-качалку

- телевизоры чёрно-белые, красно-синие, жовто-блакитные
- мочалку с программным управлением
- бензопилу “Вражда”
- шарф металлический
- подзорную водосточную трубу
- слуховые аппараты (стерео, с эквалайзером и возможностью повторить услышаное)
- лакированные ласты на высоком каблуке
- гроб двуспальный
- щенков нем. овчарки в рулонах 15 кв.м
- указатели поворота домашние (есть дикие)
- обручальное кольцо в нос
- сигареты импортные с низкочастотным фильтром и автоматическим вспрыском никотина в лёгкие
- волосы цвета заката на о. Хонсю (мин. партия 30 штук)
- норковую шубу, стриженую под “ноль”
- офицерские хромовые сапоги с лыжным креплением
- полиэтиленовый плащик от дождя на меху
- дробь барабанную
- пишущую машинку “Ятрань” русский шрифт, широкая каретка, широкие клавиши, классная вещь, но почерк ужасный
- пианино Украина - 5 Мб памяти
- ванночку детскую с центрифугой

Сайкил.

Все авторские права на произведения принадлежат их авторам.
Разрешено свободное распространение в любом виде при условии
неизвлечения коммерческой выгоды.
Полное или частичное использование материалов в других печатных или
электронных изданиях разрешается только с согласия авторов.

Отклики, идеи и предложения пишите на E-mail: profs@au.ru.

Благодаря им эта газета может стать лучше и интереснее.

Internet-версия газеты: <http://banzai.ussr.to>

Большое спасибо всем, кто помогал в реализации этого проекта.

© & ® 1997 SPG Lab